

Искусство чтения

Александр БОЙНИКОВ

«Я ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ НЕИСТОВО И СТРАСТНО...»

Сколько рецензий начинается с банальной фразы: эта книга не оставит читателя равнодушным... То же самое сразу просится на язык и по отношению к новому лирическому сборнику¹ известного русского поэта Владимира Шемшученко, правда, с существенной оговоркой: действительное неравнодушие во всем его спектре — от восхищения до отвержения — вызовут его стихотворения, совершенно разные по проблематике и тональности, но одинаково убедительные, облагораживающие, будоражащие, зовущие, заставляющие преодолеть собственное — реальное или напускное — безразличие к окружающей действительности.

В структуре поэтических книг меня давно занимает феномен взаимосвязи вступительного и финального стихотворений. Для истинного мастера важно подобрать такое начало разговора с собеседником, чтобы тот непременно пожелал его продолжения; однако не менее (и даже более) необходимо поставить в конце его весомую, впечатляющую, возможно, даже неоспоримую точку, венчающую откровения поэта и покоряю-

Александр Михайлович Бойников — литературовед, литературный критик, краевед. Родился в 1960 году в поселке Тетьково Кашинского района Калининской (ныне Тверской) области. В 1982 году окончил факультет романо-германской филологии Калининского (ныне Тверского) государственного университета. Кандидат филологических наук. Автор книг: «Поэзия Спиридона Дрожжина» (2005), «Аполлон Коринфский: Неизвестные страницы биографии, письма, стихотворения» (2005), «О поэзии, критике и дегенерации» (2006), «Каблуковские гримасы» (2007), «Заложники иллюзий» (2011), «Липачи: памфлеты, фельетоны, полемика» (2014) и более 700 научных, литературно-критических, публицистических и краеведческих статей. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Мир библиографии» (оба Москва), «Волга XXI век» (Саратов), «Подъем» (Воронеж), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Петровский мост» (Липецк), «Новая Немига литературная» (Минск, Республика Беларусь) и других. Живет и работает в Твери.

¹ Шемшученко В. И. Мысль превращается в слова. — СПб.: Алетейя, 2020. — 190 с.

щую читателя. Владимир Шемшученко открыл свою книгу резким парадоксом: «Слово было в начале. / Страшным будет конец. / Зачеркнет одичанье / Милосердный свинец».

Его лирика отличается не только парадоксальностью мысли, обретающей порой афористическую четкость и емкость, но и глубиной текста, смещением в конкретном образе предметных и художественных плоскостей, что обуславливается сначала вдохновением и лишь потом авторской логикой, а также притягательной естественностью стиха, поразительной экспрессией и филигранностью речи.

И кажется, что зла на свете вовсе нет,
Зато добра вокруг — невыпитое море:
И от костра дымок, и яблоневый цвет,
И соло василька в большом цветочном хоре...

Застывшая в гармонии умиротворенность, разлитое вокруг спокойствие, да и «Россия — это тишина». Наслаждайся блаженством, поэт, погружайся в нирвану, наливайся добром — что еще нужно? Но он, словно в пику душевному комфорту, ввергает себя в схватку на сопротивление:

А я все хмурю брови
И лезу напролом.
Поэзия без крови
Зовется ремеслом.

«Умрешь не даром: дело прочно, / Когда под ним струится кровь...» Помним, хотя кровь символизирует не только жертвоприношение, но и носительницу жизни, и страстность, и силу, и крепость. Думается, поэт преследует другую цель — постичь и дать оценку своего фатального предназначения, утвердить творческое кредо в эпоху радикального пересмотра (= подмены) идеалов: «Со мной герои Перекопа / И тень убитого отца»; «Я бы вырвал по плечи руки / Тем, кто сбросил с Кремля звезду!» Не ради рисовки сказано — дед и отец его провели годы «с кайлом в обнимку»: первый в ГУЛАГе, второй в фашистском концлагере; сам же Владимир «родился... в пятьдесят шестом», оттепельном году. А следом иной поворот: «За все, что мне раньше казалось бесспорным, / Сегодня не отдал бы я ни гроша!»

Острая борьба противоположностей крепко вплетена в ткань его гражданских стихотворений. В. Шемшученко горячо и неоднозначно относится к смене убеждений. На сей счет он полемизирует с современниками — Юрием Кузнецовым, Булатом Окуджавой; последнему адресуется колкий упрек: «Ты принял свободу, как пес от хозяина кость — / Идущий на Запад, теряет лицо на Востоке». Но поэту близка и выстраданная пушкинская мудрость о печальных строках нашей истории. Он поднимается над идеологическими метаниями, ищет опору в Христе: «Услышь мя, Идущий ко мне по воде!» И никто не вправе требовать от него незамедлительно определиться с политическими симпатиями и антипатиями; впрочем, поэт ясен и категоричен в изображении гримас постсоветской «геополитики».

Николай Рубцов в далекие, подернутые теперь дымкой минувшего 60-е предупредил о грозящем Руси нашествии татар и монголов «иных времен»; пока только в «видениях», завершившихся пасторальной картинкой. Ныне его пророчество обернулось для России жестокой и реальной опасностью, захватившей собой все сферы — от быта до государственного устройства:

Южный ветер хохочет в трубе водосточной,
По-разбойничьи свищет и рвет провода...

Все назойливей запахи кухни восточной,
Но не многие знают — так пахнет беда.

Дурманящими нюх ароматами экзотических блюд стартовал механизм иноплеменного вторжения с последующим закономерным уничтожением радушных хозяев в их же доме, на их же земле:

И среднеазиатскому меньшинству
Дозволено на улицах кричать,
И «русскому невиданному свинству»
Своих детишек в школах обучать.

Немногие пишущие решатся сегодня так же отважно пройти по острию ножа... А коли рискнут и найдут смелость сказать о наболевшем и накипевшем без прикрас и экивоков, то сполна ощутят на себе пресловутое общественное мнение:

Помни, что твой кумир —
СЛОВО, но не словцо...
И удивленный мир
Плюнет тебе в лицо.

Как поступить в столь «пикантной» ситуации? Утереться, попытаться плюнуть в ответ или озлобиться и улиткой замкнуться в раковине вселенской обиды? Нет, писать стихи — на разрыв аорты, словно в последний раз.

Мысль превращается в слова,
Когда, безумием объятый,
Ты слышишь, как растет трава
Из глаз единственного брата,
Когда ночей твоих кошмар
Впивается в неровность строчек,
Когда о край тюремных нар
Ты отобьешь остатки почек,
Когда кружит водоворот,
Когда не объяснить событий,
Когда копаешь, словно крот,
Нору в осточертевшем быте.

* * *

Яркое своеобразие поэзии Владимира Шемшученко, поэзии «сострадающего сердца» (Н. Скатов), проступает еще заметнее и привлекательнее в трудном, но мировоззренчески интересном диалоге с вершинными представителями русской классики. Оттачивая грани ее идейного наследия на оселке актуальности, поэт добивается его обогащения живительными одухотворяющими смыслами:

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.

Помимо Некрасова и Пушкина, среди его конфидентов Ахматова, Блок, Тютчев, Мандельштам... Приятно услышать авторскую вариацию изысканной ахматовской мелодии:

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени раки т купало лето
Кувшинки желтые в пруду.

А в парафразе «По всей земле тогда мело...» благодаря прихотливой авторской воле встречаются Пушкин и Пастернак:

И унижается страна
Тем, что народ хулят и судят
Его ограбившие люди —
Падение не знает дна.

Покуда в славе вор и шут,
Из ниоткуда возникая,
Из глаз в глаза перетекая,
Не мести — милости прошу.

Милости для кого? Понятно, не для шутов и воров. И дарованным призванием в отличие от многих коллег по цеху Шемшученко не жертвует ради сиюминутных кормушечных выгод, прокламируя с пафосом раннего Маяковского: *«Не желаю стихи, как жаркое на блюде, / Господам подавать, демонстрируя прыть...»* Грядущий Хам распахнул двери, тем более что и *«Европа стихи не читает!»*

Между тем все упорнее простирает коварные щупальца над Россией другая напасть. Прежние базарные перепалки превратились в противоборство цивилизаций: земледельческой, основанной на созидательном труде на земле, и торгашеской — с деньгами (в конечном счете с обманом) во главе угла, и довершает его противостояние вер. Православие — последний рубеж и оплот борьбы за бытие-в-мире самобытной России в ее цветущей сложности. Проигрыш обернется потерей духовной идентичности и гибелью в этническом растворении:

Разрастается зло,
Выползает из темных щелей —
Погремушками слов
Азиаты гремят на рассвете...
Встань за Родину, друг мой,
Молись и себя не жалея —
От безбожных отцов
Не рождаются русские дети!

В этих хлестких и призывных строках заключена жесткая национальная самокритика. Грядущий Хам сегодня вырядился в одежды нравственного релятивизма и психологии временщика, и наш народ — увы — в большинстве своем перестал вызывать умиление: *«Мы все вспоминаем о Боге, / Когда никому не нужны»*. Поэт, по сути, отвергает взлелеянную Достоевским «всемирную отзывчивость» русской души: *«Я иду, заливаясь слезами, / Всеотзывчивость нашу кляня...»*

И все-таки он надеется на обратимость данного процесса. *«Империя не может умереть!»* — итог державного спора.

* * *

Стержневой образ книги — Россия, воспринимаемая как первородная духовная и нравственная ценность, а не только как географическое пространство с уходящими за горизонт далями. У поэта с ней особые отношения: он безмерно любит Родину (*«Как сладко сказать тебе: „Здравствуй!“ — / На русском своем языке»*), принимая все ее радости, печали, ошибки и прозрения, все извивы ее исторического пути, находит у нее понимание, утешение, изливает ей свою тоску. И, конечно, ищет в споре с ней истину, которая *«в том, что не ты права, / А в том, что не прав я»*.

В памяти поэта навсегда сохранились места, где ему выпало родиться, побывать, пожить, поработать. В родной Караганде он, как и другие мальчишки, не жалея себя, бился *«за первое место в пацанском строю»* и *«изучал родную речь / По синим лагерным наколкам»* (фоном маячит печально знаменитый Карлаг). А еще здесь *«улицы в храм не приводят. / Да и храмов самих в этом городе нет»*. В том полуголом и озорном отрочестве была своя романтика с тайным сочинением стихов для Маринки, личным перочинным ножиком и вкуснейшим пончиком с повидлом — *«то, свое золотое, / чего не купить, не урвать, не продать»*.

Романтично и свежо описание горных красот Дигории, местности в Северной Осетии, в одноименном цикле:

Здесь воздух октябрьский чуть горчит
И тянется, словно мед.
И слышно, как сердце земли стучит,
Покачивая небосвод.

Конек В. Шемшученко в поэтике — содержательно плотная деталь. Например, в две строки втиснута вся суровость Заполярья: *«Ненасытная печь за поленом глотает полено. / На исходе апрель, а в тайге еще снега по грудь»*. В крае вечной мерзлоты и холода выковывается особый тип человека закаленного, презирающего житейские условности:

Тишину потревожил испуганный рокот мотора.
Не иначе сосед мой —
Рисковый бывалый мужик —
До того одурел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду
Через реку махнул напрямик.

Скалькулировать, перекодировать и растлить русского человека, который *«всегда делал то, что хотел»*, выбирал из ста вариантов действий сто первый и шагал по жизни, как по отвесной стене, — неудержимо параноидальное стремление и цель апологетов и практиков глобальной информационной войны против России. Результаты губительных прививок к нашему национальному характеру космополитических псевдоценностей, извращенной этики, порочной морали, к глубокому сожалению, приносят ядовитые плоды:

Поспешаем за веком и в души несем не свое,
На сегодняшний день обменяв человечность.

За независимость духа на Руси приходится платить дорогую цену:

И за то пострадал, и срока отбывал на Таймыре,
И на высылках жил от верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как гирей,
И выхаркивал легкие сквозь окровавленный рот.

Вероятно, поэтому в книге появляется мотив жертвенности, расплаты за беспощадную, высказанную публично ультрасовременную правду:

И кричу, что еще остается,
В пику сверхтолерантной шпане.
Этот стон у нас песней зовется...
Эй, борцы с экстремизмом, ко мне!

Поэзия В. Шемшученко — сплав философского, исповедального и гражданского начал. Вот «Полина» — отклик на реальное событие, подброшенное пагубой XXI века: теракт в Петербургском метрополитене 3 апреля 2017 года. Неведение о судьбе любимой хуже каторги, тягучая страшная пытка. Надрывным рефреном звучат усеченные концовки каждой строфы: «Рана!», «Мука!», «Больно!». Душевная боль, невзирая на технический прогресс, саднит так же, как и столетия назад: «А в ушах, как стеклом по железу, / лишь — „...вне / Зоны...“»

«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». В творчестве Владимира Шемшученко поэзия и гражданственность настолько органичны и неразделимы — и идейно, и эстетически, что одно будет ущербно без другого. Гражданско-публицистический вектор значительно усиливается к концу книги: «Счет», «Крымский мост», «Донецк», «Письмо небратьям» — злободневные отклики-размышления на текущий политико-социальный беспредел, быстро переходящий в убивающий. В них немало пылких призывов, накаленных эллипсисных восклицаний и негодующих инвектив при удивительном сохранении лирического темперамента и внятности поэтики. Ярому участнику «закопченного майдана» поэт выговаривает, словно неразумному школьному дитятке:

Не отмывься тебе от стыда
И не выхаркать привкус резины.
Ты учился сжигать города
У сжевавшего галстук грузина.

Всеотзывчивости на новейшем вираже истории он противопоставляет ненависть в самом священном и благородном смысле:

Не опущусь до злобы.
Бранных слов не скажу.
Ненависть — высшей пробы!
Сыну в сердце вложу.

И бросает в лицо европейским «апостолам толерантности» и их российским холоум-подголоскам:

Хватит болтать о правах человека
И тоску нагонять.

Иди и смотри на ребенка-калеку
И убитую мать.

Фашизм образца 2014 года или один из многих результатов «боевых» действий украинской армии против мирных жителей Донецкой и Луганской областей. Далеко не все знают и помнят (и крайне жаль!) шокирующий натурализмом и глубочайшей правдой факта фильм Элема Климова «Иди и смотри» (1985) о зверствах гитлеровских захватчиков на оккупированной советской территории, параллель с которым провел поэт. Даже в абсурдном сне было невозможно представить повторение такой патологической бесчеловечности. Поэт видит корень зла: *«„Укров“ не жаль мне ничуть бесноватых! / Мне Украину — жаль...»* За все изуверства виновным придется держать ответ: *«Отворяющий кровь не спасется — / Кровь возврату не подлежит!»* Справедливое возмездие неминуемо.

* * *

Наиболее ощутимо перепады лирического настроения, тонкие полутона чувств В. Шемшученко воссоздает средствами природной живописи, объединяя их мотивом прекрасного, поскольку *«никто на земле не дерзнет прозываться поэтом, / Не постигнув величья дарованной нам красоты»*. Она для него во всем: в угасшем костре, в россыпях звезд и свете луны, в лучах рассветного солнца, в ночном спокойствии реки, цветении лугов, в заснеженном кусте калины, подобранном на улице грязном котенке и даже в хлестком ветре и вьюге... *«Снега! Побольше снега! / Это зовется — Русь!»* Снег — пленительная черта русского пейзажа и один из культурных символов России — частенько гостит в его медитациях и зарисовках, наделяя их образный строй оригинальными ассоциациями:

...Соседи достали лопаты.
И выгнали снег со двора.
А мой — развеселенький, вкусный —
Лежит себе, радует глаз.
Хрустит на зубах, как капуста —
Впервые, сегодня, сейчас!

И еще снег — *«нетающий словесный русский»*. В привычных пейзажных деталях всех времен года В. Шемшученко находит прелесть, изумительную красочность и выразительность: *«капельки васильков, искорки иван-чая», «это корова-луна / тучу поддела рогами», «и стоял безответным вопросом сурок у дороги», «подслеповатый дождь, шагающий по крыше», «как спящая женщина, дышит проталина / С лиловым цветком на высокой груди», «по улице ходит ноябрь с глазами бездомной собаки»*. Можно долго рассуждать о художественной стороне таланта поэта, приводя в качестве доказательств немало блестящих стилевых решений. Лучше оставим это занятие главным ценителям и судиям — читателям.

Цикл «Марине» создан в лучших канонах русской любовной лирики; каждое из его стихотворений (всего их 16) переливается искрящимся сплавом нежности, чистоты, самоотречения: *«Ничего я тебе не скажу. / Я тобой безнадежно болею. / Я желаю тебя и жалею / И дыханье твое сторожу»*. Бережно, с предельной откровенностью и без нарочитого эротизма поэт шаг за шагом раскрывает и живописует неповторимые нюансы всевластной и трепетной любви к жене — Женщине и Матери, обретая единение с ней навсегда, даже в грядущей скорби:

И когда в небеса позовет нас дорога...
 Не хотел говорить, но сегодня скажу:
 Если первым уйду — проводи до порога.
 Если первой уйдешь — я тебя провожу.

От страницы к странице отчетливо выделяется петербургская тема, и с полным на то правом можно говорить о «Петербурге Шемшученко» (данный аспект его лирики достоин отдельного критического этюда). Для него он — «город Гамлет», в облике которого мелькают изюминки-«безуминки», подчеркивающие уникальность как самого Петербурга, так и образного воплощения его материальной и духовной сущности; вместе с поэтом мы учимся *«по слогам этот город читать»*:

Ветер пьяную девку целует взасос.
 Утонула в заливе луна, как монета...
 Город Гамлет! Ты задал простейший вопрос,
 На который никто не придумал ответа.

Петербург многолик: то по-северному неподвижно-ледяной (*«Ноябрь совсем одекабрел — / в Неву вморозил сухогрузы»*), то резвится в метельном полете (*«Машет крыльями вьюга, и, перья ломая, кружится, / И отчаянно бьется в колодце двора, как в силках»*); порой мрачно-непривлекательный (*«Рядом кашляет город — он пахнет тоской и тюрьмой / И еще недержаньем горячей воды в теплотрассах»*) и вдобавок представляет собой *«месиво контркультур»*; и погода под стать: *«изморось, гиль и хмарь»*. Поэт любит детище Петра, но странною любовью... Да, странною, но любовью... Вечной, высокой и понятной:

Охраняя огни берегов,
 Зябнут вечные львы на канале.
 Распахнулись балтийские дали,
 И в снегах утонул Петергоф.
 Мой неожиданный единственный друг,
 Я давненько по свету скитаюсь,
 Но тебе я сегодня признаюсь:
 Я тебя полюбил, Петербург!

Владимир Шемшученко размышляет о поэзии и поэтах — много, откровенно и часто нелицеприятно. В Золотом веке и уж тем паче в веке Серебряном они слыли пророками, глашатаями истин вековых, демиургами. Нынешние поэты явно измельчали:

По привычке кусаем ближних —
 Неуживчивый мы народ.
 Ради мнимых успехов книжных
 Затыкаем друг другу рот.

И потому *«на писательском фронте без перемен»*, и приговор безжалостно однозначен: *«Пересуды, раздоры, суды и пирушки — / А в итоге, увы, — разложение и тлен»*, и *«скрипят стихи — поэзия мертва...»* Но какая поэзия? В. Шемшученко предлагает опять парадоксальное разграничение, с долей грубоватой иронии взывая к себе и ко всем: *«Зачем тебе глупая драка / За место на полосе?! / Пиши, говорю, собака! / Печататься могут все»*. Напутствуя: *«Не заглядывай в бездну, поэт»*, сам поступает про-

тивоположным образом, ведь советовать и предупреждать не значит запрещать. И не боится задать себе сакраментальный вопрос:

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...

Прямо по Хайдеггеру: человек заброшен в мир, где испытывает сильное чувство неопределенности, ужасается неизведанного, поскольку срок его пребывания здесь конечен, а по вселенским меркам и вовсе мгновение. Для преодоления экзистенциального страха поэту дан единственный способ — творить и сотворять. В. Шемшученко называет себя «*смирнейший подмастерье, данник русского языка*» (язык ему воистину исключительно дорог!) и тут же бравирует личной десакрализацией в космическом масштабе: «*Я плыву, как вселенский мусор...*»

Завершает книгу почти карнавальная, бесшабашно раздольная «Революция», написанная по канве поэмы А. Блока «Двенадцать». Но запечатленное действие не фантазмагория и не прекращение течения истории, а грозное предостережение: ни понапрасну, ни умышленно не играйте с русским огнем, иначе перспектива лишь одна — сгореть в его пламени. Русский бунт не всегда бессмысленный, но всегда беспощадный.

«*Я жизнь люблю неистово и страстно, / Не ставя ни во что уменье жить...*» На литературных просторах мало отыщется сегодня тех, кто, как Владимир Шемшученко, выходит к читателю с честным, животрепещущим, зрелым словом и готов дальше без остатка отдавать себя великому и многотрудному служению русской поэзии и России.